

ИТОГИ ОПРИЧНИНЫ

Современники пытались угадать имена «злых людей», внушивших царю мысль об опричнине. Одни называли имя Василия Юрьева-Захарьина, двоюродного брата Анастасии Романовой, другие — имя царицы Марии Кученей из Кабарды. Но Юрьев вообще не был принят в опричнину, а Мария не принадлежала к кругу советников государя.

Попытаемся проанализировать прежде всего, каким традициям следовал Грозный, учреждая опричнину. Традиции оказывали огромное влияние на формирование московской политики.

Царь Иван, без сомнения, помнил о завоевании Новгорода Великого и о земельных мероприятиях, проведенных по этому случаю Иваном III. Конфисковав все боярские вотчины в Новгороде, великий князь раздал эти земли своим боярам. Глава думы князь Иван Патрикеев с сыном Василием получили более 500 обож, три брата Захарьиных — почти 800, князь Оболенский — 319 обож. Обширные владения получил также князь Рязполовский и другие бояре. Прошло некоторое время, и Иван III попытался отнять пожалованные знати земли, опасаясь ее чрезмерного усиления. Боярская дума решительно воспротивилась его действиям. Борьба достигла такого ожесточения, что великий князь осудил на смерть руководителей думы. Слуга и боярин князь Рязполовский был обезглавлен в 1499 г., а Патрикееву с сыном казнь заменили заточением в монастырь.

Приняв решение об изъятии новгородских «дач» у московской знати, Иван III разрешил задачу весьма хитроумно. В 1499 г. он объявил о том, что передает Новгородскую землю под управление сына Василия, получившего титул великого, а фактически удельного князя Новгородского и Псковского. Вся московская знать, присягнувшая в 1498 г. на верность коронованному великому князю Московскому Дмитрию-внуку, должна была покинуть Новгородский удел Василия III и утратила все новгородские пожалования. Любимцы Ивана III Захарьины и Челяднины не избежали общей участи и лишились земель наряду с прочими. На новгородских землях были «испомещены» примерно 1400 детей боярских, московских служилых людей, ставших опорой Василия III в борьбе за власть.

По существу, в основе опричнины лежала схема, разработанная и претворенная в жизнь дедом и отцом Грозного: образование удела, вывод знати и конфискация у нее земель, помещение в уделе верных слуг — детей боярских. Открытие этого факта показывает, какую роль в учреждении опричнины играла традиция, и позволяет истолковать одно из самых загадочных мест в послании Грозного Курбскому.

При Адашеве, утверждал царь, «сотвердися сия злоба» — «Адашев с Сильвестром вас (князей и бояр) почал причитати

к вотчинам и к селам, еже деда нашего великого государя Уложением, которые вотчины у вас взимати и которым вотчинам еже несть потреба от нас даятися, и те вотчины ветру подобно роздал неподобно, и то деда нашего Уложение разрушил, и тех многих людей к себе примирил».

Слова Ивана IV кажутся загадкой. Никакого Уложения о землях, разработанного Иваном III, обнаружить не удастся. В чем заключалась суть упрека Грозного? Адашев стал раздавать боярам и знати («вам», боярам и князьям) вотчины и села, которые по Уложению Ивана III воспрещалось раздавать («несть потреба от нас даятися»), но надлежало забирать в казну («у вас взимати»).

После присоединения Новгорода в московской Боярской думе непременно обсуждался вопрос о том, что делать с великими вотчинами, конфискованными у местной боярской знати. После разгрома руководства думы Иван III навязал боярам свою волю. Он «уложил» (постановил) не допускать расширения землевладения аристократии и вернуть в казну недавно розданные новгородские земли, с тем чтобы раздать их детям боярским и организовать конное поместное ополчение.

Споры в думе носили принципиальный характер: будут ли бояре наряду с казной и впредь участвовать в дележе земельных богатств на завоеванных территориях в соответствии с традицией или они будут лишены такого права.

При Иване III конфликт со знатью не привел к большому кровопролитию. Бояре получили пожалования в Новгороде из рук самого государя и не успели закрепить их за собой. Неясно, в какую правовую форму были облечены новгородские «дачи»: были ли это вотчины, или кормления, или поместья?

Опричные меры носили иной характер. Действуя по примеру деда, Грозный попытался отобрать у своих слуг наследственные родовые вотчины.

При своем учреждении опричнина имела резко выраженную антикняжескую направленность. Опады, казни и конфискации, обрушившиеся на суздальскую знать в первые месяцы опричнины, ослабили политическое влияние аристократии и

укрепили самодержавную монархию. Объективно подобные меры способствовали преодолению остатков раздробленности, глубочайшей основой которых было крупнейшее княжеско-боярское землевладение.

Однако опричная политика не была чем-то единым на протяжении семи лет ее существования, она не была подчинена ни субъективно, ни объективно единой цели, принципу или схеме. Следом за короткой полосой компромисса (1566) пришло время массового террора (1567–1570). Стержнем политической истории опричнины стал суд над сторонниками Владимира Андреевича и разгром Новгорода. Причиной террора явился не столько пресловутый новгородский сепаратизм, сколько стремление правителей, утративших поддержку правящего боярства, любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массового террора, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел совершенно непомерное влияние на политическую структуру руководства. В конце концов адская машина террора ускользнула из-под контроля ее творцов. Последними жертвами опричнины оказались они сами.

Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч людей крайне преувеличены. По Синодику опальных, отразившему подлинные опричные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3000–4000 человек. Из них на долю дворянства приходилось не менее 600–700 человек, не считая членов их семей. Опричный террор ослабил влияние боярской аристократии, но нанес также большой ущерб дворянству, церкви, высшей приказной бюрократии, то есть тем социальным силам, которые служили наиболее прочной опорой монархии. С политической точки зрения террор против этих слоев и группировок был полной бессмыслицей.

Самодержавие было официальной доктриной и в известном смысле политической формой монархии, хотя глава государства в XVI столетии, по существу, не обладал неограничен-

ной самодержавной властью. Монарх управлял страной совместно со знатью, заседавшей в думе, и с князьями церкви. Образование опричнины знаменовало собой своего рода верхушечный переворот, имевший целью утвердить принципы неограниченного правления. В опричнине царь смог осуществить такие меры, проведение которых в обычных условиях было невозможно без согласия на то думы и высшего духовенства. На время царь избавился от опеки со стороны боярской аристократии.

Опричнина существенно ограничила компетенцию думы, прежде всего в сфере внутреннего управления. В годы реформ дума постоянно выделяла боярскую комиссию, ведавшую столицей и всем государством в отсутствие царя. При Адашеве руководство этой комиссией осуществляла титулованная знать. После введения опричнины царь изгнал княжат из московской боярской комиссии и заменил их нетитулованными боярами. Под конец опричнины бояре вовсе были удалены из московской комиссии.

Отныне столицу «ведали» одни приказные люди. С упразднением семибоярщины была ликвидирована одна из самых важных привилегий Боярской думы. По традиции члены думы непосредственно возглавляли важнейшие приказы. Глава Конюшенного приказа — конюший — считался старшим боярином думы. После казни Челяднина-Федорова должность конюшего была фактически упразднена, а управление приказом перешло к ясельничим из дворян. В годы опричнины царь почти никогда не созывал думу в полном составе и перестал регулярно пополнять ее новыми членами. Боярская дума лишилась почти всех своих авторитетнейших вождей. Ее численный состав резко сократился, влияние ослабло.

Полагают, что в конце опричнины на Руси сложился новый тип служилой знати, и «в этих условиях уже не было необходимости в целенаправленном подавлении знати». Так ли это? Аристократия была ослаблена опричным террором, но все равно осталась аристократией. Знать сохранила в своих руках крупные земельные богатства и отнюдь не отказалась от своих

претензий на власть. Парадокс состоял в том, что самодержец жаждал неограниченной власти, но не мог управлять царством без непосредственного участия могущественной знати. Поместная система давала большие выгоды аристократам, чем рядовым детям боярским, и они должны были примириться с принципом обязательной службы с земли. Но сам по себе этот принцип не мог уничтожить аристократию.

Задолго до опричнины Иван Пересветов настоятельно советовал царю создать охрану наподобие янычарского войска и обрушить грозу на голову непокорных вельмож. Многие из того, о чем писал Пересветов, сбылось через полтора десятилетия. Пророчества публициста столь удивительны, что некоторые исследователи склонны были отнести его сочинения к послеопричному периоду и увидели в них литературное выражение опричной трагедии. В действительности Пересветову удалось предвосхитить будущее. Непосредственного влияния на опричную политику его проекты, по-видимому, не оказали. Дворянский радикализм и рационалистические элементы воззрений Пересветова были чужды царю Ивану и его ближайшему окружению. Опричная политика, хотя и имела точки соприкосновения с идеологией дворянских публицистов, на практике оказалась весьма далекой от идеальных замыслов. Террор опричнины обернулся не только против «вельмож», «ленивых и богатых», но и против «простых воинников». Пожелания Пересветова относительно «царской щедрости до воинников» и идеи дворянского равенства получили уродливое воплощение в опричных привилегиях. Мечты дворянства о сильном монархе, правящем «с грозою», стоящем за «великую правду», воплотились в кровавом деспотизме и злоупотреблениях опричнины. В борьбе с непокорной боярской знатью монархия неизбежно должна была опираться на дворянство. Но этой цели она достигла не корпоративной организацией мелкого и среднего дворянства в целом, а путем организации привилегированной опричной гвардии, укомплектованной служилыми людьми нескольких «избранных» уездов и противостоящей всей остальной массе земского дворянства.

Опричнина обнаружила тот факт, что в XVI в. среднее и мелкое дворянство еще не обладало ни моральными и политическими потенциями, ни достаточным образованием и влиянием, чтобы оттеснить боярскую аристократию от кормила управления и занять ее место. Свое выступление на исторической арене «худородные» дворяне-преторианцы ознаменовали лишь кровавыми бесчинствами, бессовестным грабежом и всякого рода злоупотреблениями.

В опричнине окончательно сложился институт думных дворян. В связи с развитием приказной системы внутри Боярской думы образовалась курия думных дьяков. После опричнины политический вес приказной служилой бюрократии, несомненно, возрос. Высшие ее представители, занявшие место в думе, стали играть наряду с думным дворянством роль своеобразного противовеса боярской знати внутри думы. С появлением двух новых курий дума из чисто аристократического по своему составу учреждения постепенно стала превращаться в более представительный орган. Но развитию сословно-представительного начала в наибольшей мере способствовали земские соборы. Непременной частью любого собора XVI в. были Боярская дума и Священный собор, то есть князья церкви. Лишь в некоторых исключительных случаях власти приглашали для участия в работе собора представителей дворянства. Самым представительным собором середины XVI в. явился Земский собор 1566 г., созыв которого был связан с короткой полосой компромисса в истории опричнины.

Опричное правительство неизменно покровительствовало крупному купеческому капиталу. Царь Иван заявил однажды английскому купцу Дженкинсону: «Мы знаем, что нужно выслушивать речи о купеческих делах, так как они опора нашей государственной казны...» Царь пожаловал из опричнины громадные земельные владения купцам Строгановым и предоставил обширные привилегии английской купеческой компании. Он заботился о внешней торговле и старательно поддерживал «нарвское мореплавание». Именно в опричнине появились первые в русской истории концессии, предоставленные ино-

странному промышленному капиталу. Монархия поддерживала купеческий капитал в той мере, в какой это ей было выгодно. Случалось, что опричные власти подвергали купцов прямому грабежу.

Опричные погромы деморализовали жизнь общества, но не могли изменить основных тенденций общественного развития, отчетливо обнаружившихся в период реформ. Развитие приказной системы управления вело к усилению централизации. Возросло значение служилой дворянской бюрократии. Возникли более представительные соборы, органы будущей сословно-представительной монархии. Проведенные в начале опричнины земельные конфискации привели к известному ослаблению боярской аристократии и укреплению самодержавия. Террор оставил глубокий след в жизни русского общества. Кровавые призраки опричнины еще долгое время тяготели над умами вождей господствовавшего сословия. Но опричнина не изменила общей политической структуры монархии, не уничтожила значения думы как высшего органа государства, не поколебала местнических порядков, ограждавших привилегии знати.

Опричнина дорого обошлась стране. Кровавая неразбериха террора унесла множество человеческих жизней. Погромы сопровождались разрушением производительных сил. Бесчинства опричников были беспрецедентными и не имели оправданий.